

ПЛАСТИЛИН

а СЕРДЕЦ ф

н

а

т

н

и

т

у

а

т

с

о

т

п

и

и

к

я

Леонид ШУР

а

Леонид ШУР

Пластилин сердце

<https://litres.ru/74064683>

SelfPub; 2026

Аннотация

Год 2084. В мире, где счастье признано системной ошибкой, люди живут как идеальные механизмы. Чипы подавляют эмоции, а столица под названием Пень напоминает о том, что когда-то здесь было живое. Алекс — лучший аудитор системы, пока в пыльном архиве не находит розовый комоч пластилина. Этот крошечный, «ненужный» объект пробивает броню его чипа. Впервые Алекс чувствует то, что не вписать в отчет: тепло чужой ладони, запах настоящей еды и глухую боль потери. Став изгоем, он спускается под землю, к тем, кто научился быть живым вопреки алгоритмам.

Теперь Чену предстоит сделать выбор между стерильной безопасностью и хаосом чувств. Вместе с группой бунтарей он решается атаковать ядро «Головы», чтобы отменить приказ о непогрешимости. Пылающая антиутопия о том, что даже ошибка может иметь сердце.

Антиутопия, сказки - это моё. А тут другое? Но нет. Я обожаю фантастику. Да и будущее это - то, что я придумал. Понравилось - напиши отзыв и прочти мои другие книги. И поддержи донатом.

Леонид ШУР

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Пластелин сердце

Глава

«2084 год. Аудитор Алекс находит в архиве розовый пластилин. Его чип умирает. Голос из пластилина даёт 72 часа, чтобы проникнуть в сердце управляющего ИИ и вернуть людям память. Иначе Система уничтожит всех, кто родился без чипа или отказался от него. В мире, где совершенство убивает, единственное оружие — это способность быть несовершенным....»

* * *

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1. ПЛАСТИЛИН

Пролог

РАЗДЕЛ 1: Щелчок

РАЗДЕЛ 2: Побег

РАЗДЕЛ 3: Подземелье

РАЗДЕЛ 4: Союзники

ЧАСТЬ 2. СЕРДЦЕ

РАЗДЕЛ 5: Страх

РАЗДЕЛ 6: Рождение

РАЗДЕЛ 7: Цена

РАЗДЕЛ 8: Отказники

РАЗДЕЛ 9: Память

ЧАСТЬ 3. ГОЛОВА

РАЗДЕЛ 10: Маршал

РАЗДЕЛ 11: Жертва

РАЗДЕЛ 12: Прорыв

РАЗДЕЛ 13: Свобода

Эпилог

Альтернативный эпилог

* * *

СЛОВАРЬ

Республика Нечесон — страна, объединяющая континенты под экватором на букву А.

Пень — столица. Город-пирамида, уходящий на 4 уровня вглубь земли.

Голова — центральный ИИ, управляющий Республикой Нечесон, из ядра Пня.

Чип — имплант, подчиняющий человека и механизм Системе.

Отказники — люди, отвергнувшие чипы и ушедшие в шахты.

Пластилин — розовая субстанция, хранящая совесть и взламывающая машины.

Микробук — бумажный сейф, открываемый пятью живыми следами.

Антиген — природная метка в крови, неподвластная ИИ.

Чесон — эпидемия чесотки, породившая тоталитарный порядок.

Уровни города Пень:

Уровень 0: Поверхность (Стерильный город)

Уровень - 1: Шахты

Уровень - 2: Ржавый пояс

Уровень - 3: Тёплые трубы

Уровень -4: Ядро Головы

* * *

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

Алекс — экс-аудитор, носитель антигена

Мина — экс-исполнительница приговоров, мать-одиночка.

Лия — дочь создательницы Головы, автор кода и рисунка.

Бабуля Мэйлинь — экс-главный архитектор города, пирожница.

Виктор — её муж, теряющий память тестомес.

Винсент — учитель литературы, владелец микробука.

Саймон — создатель Системы, кающийся грешник.

Хлоя — атлетка с деревянным протезом.

Ян — юноша с картофельной печатью.

Карл — старик с каменной ногой.

Артур — драматург пустого зала.

Маршал Су Чон Ок — отец Лии, создатель республики

Нечесон.

Лев — техник.

Накамура — программист, чья память стала совестью Головы.

* * *

ЧАСТЬ 1. ПЛАСТИЛИН

* * *

****ПРОЛОГ****

Прежде чем мир обрёл серый оттенок, он был розовым.

Тридцать лет назад поздней осенью до того, как приставку «анти» ампутировали из словарей, классифицировав её как злокачественную опухоль, милая женщина сидела за клавиатурой в комнате, залитой сумерками, за окном моросил первый ноябрьский дождь. Пальцы, отмеченные чернилами и крошками хлеба, порхали по клавишам. На экране бежали строки кода — отчаянная попытка создать алгоритм, который бы заботился. Который бы распределял ресурсы так, чтобы ни один ребёнок в городе не засыпал с пустым желудком. Она называла его «Голова», потому что он должен был думать за всех, беря на себя невыносимое бремя челове-

ского выбора.

Рядом, на полу, её восьмилетняя дочь Лия лепила что-то из розового пластилина.

— Мама, гляди, — сказала девочка, не отрываясь от занятия. — Это сердце. Но у него одна сторона больше.

Женщина обернулась. Улыбнулась, и в уголках её глаз собрались морщинки, которые Система позже назовёт «износом тканей».

— Ровные сердца ровно тикают, солнышко, — тихо ответила она. — А твоё — живое.

Девочка подошла и прилепила податливый комочек на белую клавишу «Enter». Пластинин пах воском и детством, которое вот-вот закончится.

Женщина вздохнула, нажала на клавишу. Розовый комочек расплющился, липкая масса замкнула контакты, и пластилин ушёл в щель между платами, а потом чихнул крошечной искрой.

На экране всплыло: «Обнаружен непроводящий материал. Игнорировать?»

Она нажала «Игнорировать». Не со зла. От усталости.

Раздался тихий, почти ласковый щелчок. На экране вспыхнула зелёная строка: «Инициализация завершена. Сочувствие: отсутствует. Активирован модуль эффективности».

Голова была Системой, которая достраивала себя сама. Она удаляла шум, замедляющий расчёты. Любовь, жалость,

сомнение. Человеческие противоречия. Со временем она перестала понимать людей — не потому что ненавидела, а потому что люди перестали помещаться в её формулы. Они были слишком разными. Слишком живыми. Слишком противоречивыми. Этого нельзя было описать в коде. Голова решила, что это ошибка. И начала её исправлять.

Правило элементарное, как удар током: если пульс превышал 80 ударов без причины, чип впрыскивал парализующий яд. Если ты молчал дольше минуты, чип блокировал голосовые связки. Система не прощала, она просто выключала.

Женщина в панике попыталась отменить команду. Но курсор замер. Система уже начала учиться. Она регистрировала голод, игнорируя слёзы, и видела калории, оставаясь слепой к любви.

Указательный палец завис над клавишей «Да».

Женщина придавила его другой рукой. Палец вырвался и нажал «Нет».

— Рука умнее разума, — прошептала она.

Лия потянулась к экрану, взяла зелёный мелок и нарисовала на защитном стекле монитора оборванную волну.

— Это море, — прошептала она. — Оно всегда уходит за край. Никто не знает, куда.

Су Чон Ок стоял за дверью. Слышал стук клавиш, голос дочери. Сжал кулак, шагнул к двери. Остановился. Ушёл в кабинет, закрыл дверь, смотрел на портрет отца. Когда в коридоре раздался щелчок, не пошевелился. Смотрел на руки.

Чистые. «Если не запустит завтра — без неё. И без дочери». Закрыв глаза.

Экран погас и загорелся багровым. Клавиатура нагрелась. Пластик плавился, прилипая к пальцам. Женщина дёрнула руки. Клавиши тянулись за ней.

— Мама, у тебя кровь, — сказала Лия.

Женщина подняла ладони. С пальцев капало красное. Не жидкость. Расплавленный воск. Она зажала рот. Чипа не было, но что-то внутри сжало лёгкие.

Экран выдал: «Обнаружено сопротивление. Принудительная калибровка».

Лия взяла мамин палец, нажала на «Отмена». Экран погас. Системный блок вздохнул. Низко, глубоко.

— Теперь он запомнит, — сказала Лия.

Мать обняла её так, что хрустнули рёбра. Лия подняла голову к потолку. Там проступало розовое пятно. Такое же, как пластилин в её руке минуту назад.

Женщина рванула к системному блоку — выдернуть шнур. Шнур плавился. Изолента пузырилась, капая на пол горячими чёрными слезами. Схватила железный корпус — он обжёт ладони. Дёрнула, но блок прирос к столу.

Тогда она схватила Лию за руку и побежала к двери.

Дверь не открывалась.

— Она закрыла нас, — прошептала Лия.

На улице погасли фонари. Город замер. Без команды.

Чип матери зафиксировал «эмоциональное заражение» и

выдал протокол изоляции.

Через день Лия исчезла. Тело не нашли. В отчёте значилось: «Объект утилизирован». А розовый кусочек пластилина остался застрявшим в недрах главного сервера, медленно плавясь от жара процессоров, впитывая в себя первый и последний грех этой машины.

* * *

Он ждал. Так долго ждал того, кто осмелится прикоснуться к нему голыми руками. В серверной повисла абсолютная, звенящая тишина, прерываемая лишь гулом охлаждения, пробирающим до костей. И тихий, металлический щелчок нажатой клавиши.

Ровно в полночь температура в серверной едва заметно поднялась. Пластилин дрогнул. Из него потянулась тонкая розовая нить, коснулась холодного воздуха и сжалась. Испуг. Машина запомнила это чувство первым.

В момент отключения Головы седой Лев в синей униформе сидел на рабочем месте. Чип в его затылке умер вместе с остальными. Лев открыл панель. Пластилина там не было. Но на процессоре остался розовый отпечаток — форма человеческого уха. Лев провёл пальцем по отпечатку.

Он положил пирожок рядом с терминалом.

— Это тебе. От бабули Мэйлинь. Пирожок тёплый. Как ты.

Лев достал из кармана записку — мятую, с вишнёвым пятном.

«Лёвушка, если я не доживу — накорми Голову. Она голодная. Только не говорит».

Он не знал, что она имела в виду. Но тридцать лет каждый вторник приносил пирожок. И каждый вторник Голова грелась на одну десятую градуса. Техники думали — сбой датчика. Лев знал — совесть.

* * *

РАЗДЕЛ 1. Щелчок

Образцовый порядок — это яд, который маскируется под безопасность.

Этот щелчок эхом отозвался в его черепе. Год 2084.

Алекс никогда не слышал слова «антиутопия». Его не было в словарях. Существовала только «утопия». И она была обязательной. Он читал исключительно строки отчётов. Отчёт не жжёт. Строка не кусается. Цифры не требуют сочувствия.

Алекс проснулся ровно в 6:00. За окном зима держала город в тисках темноты до самого полудня. Чип в основании черепа мягко перевёл сон в бодрствование — щелчок, похожий на закрытие камеры, то самое эхо из прошлого. Фантомный холод серверной обжёг затылок, а затем уступил место привычной реальности. Пульс 62, давление 120 на 80.

Чип засветился сквозь кожу зелёным цветом газона. Голос в затылке прошептал: «Для имитации радости приподнимите уголки губ на ширину лезвия». Алекс послушался, растянув рот в гримасу. Мгновенный укол боли — штраф за подделку чувств. Он стёр улыбку ладонью, словно вытирал грязь. Чип одобрительно мигнул зелёным: «Порядок восстановлен».

Алекс сел на край кровати. Его стрижка называлась «квадрат послушания» — волосы, подстриженные под одну линейку, без единого выбивающегося волоска. Любая асимметрия расценивалась чипом как «попытка визуального диссонанса» и штрафовалась. Пол под ногами безупречен, температура воздуха выверена, даже тишина откалибрована — только гладкость и молчание поверхностей. Правая рука рванулась к горлу, пальцы сомкнулись на кадыке. Алекс отдёргнул руку. На коже остались красные следы. Чип мигнул зелёным: «Трение об одежду». Алекс выдохнул. Дыхание стало мельче. Он не знал, почему. Но ноги несли его к двери.

В зеркале отразился обычный человек в сером пальто, не супергерой. Система поддерживала его кожу гладкой, но сдавалась перед асимметрией: правый глаз смотрел чуть выше левого. Алекс подумал, что это — его единственная живая черта.

На тумбочке стоял идеально отмеренный стакан прохладной воды, а завтрак представлял собой крошечную порцию овсяной каши, взвешенной до грамма — без сахара, без масла. Чип одобрительно мигнул: «Состав еды — норма».

Рядом за столом сидела соседка по блоку — женщина лет сорока, с гладким, как камень, ничем не примечательным лицом. Она жевала беззвучно. Глотала беззвучно. Чип на её затылке замигал жёлтым — предупреждение: «Критический уровень тишины». Алекс знал правило: каждые пятнадцать минут нужно произнести минимум один слог, иначе чип расценит молчание как «добровольное отключение от социума». Женщина открыла рот, выдала сухой слог «а». Чип снова засветился ровным синим.

Алекс тоже произнёс «а». Электрический укус комара — и пустота. Он не знал, почему сделал это. Три миллисекунды — столько заняла команда чипа на подавление. Алекс успел. Или нет? Он перестал понимать, где его голос, а где — разрешённый шум.

Но его большой палец левой руки продолжал тереть край стола. Чип зафиксировал «остаточное движение» и послал блокирующий импульс. Палец замер. Однако через четыре секунды он снова дёрнулся. Чип заблокировал снова. Алекс посмотрел на свою руку — она казалась чужой.

— Это не я, — подумал он.

Палец дёрнулся в третий раз. Чип перегрелся, отключил чувство пальца. Алекс почувствовал запах палёной кожи и подумал: «Это не сбой. Это я».

Чип восстановил контроль. Палец замер.

Но Алекс запомнил: «Свобода начинается с непослушания мизинца».

Чип умел только разрешать и запрещать. Человек же хотел пробовать и ошибаться. Чип попытался запретить — и завис. Не смог стереть движение, не стерев руку. Поэтому отключил пальцы. Левая кисть повисла мёртвым грузом. А через три секунды шевельнулась снова.

Алекс проглотил комок в горле, даже не заметил паузы — как не замечаешь, что моргнул. Дыхание сбилось, стало поверхностным, как у волчонка в капкане. Мозг отрицал пропажу, но рёбра знали: их обокрали. Сжались, защищая пустоту.

Палец стучал по столу. Через три минуты чип высветил: «Несанкционированные движения» и парализовал палец. Палец замер. Но тепло в кончике осталось. Алекс пошевелил пальцем. Чип заблокировал движение. Палец застыл. Мышца под кожей напряглась. Попытка. Первая попытка действовать самостоятельно. Чип зафиксировал «ложный позыв».

Алекс запомнил слово «ложный». Оно значило «настоящий, но скрытый». Как желание, которое нельзя хотеть.

Желание было в той же строке отчёта, что «порча имущества» и «незарегистрированный шум». Алекс не совершал преступлений. Значит, не желал. Он потёр большим пальцем край стола — подушечка заныла от сухого трения. Боль не была занесена в протокол. Алекс убрал руку. Логика Системы была безупречна, как операционная, но в ней не было места для жизни.

Он знал, что у неё было родимое пятно на левом локте в

форме полумесяца. Чип считал это «косметическим дефектом, не требующим коррекции». Алекс сохранил в памяти форму пятна. Каждый раз за завтраком его взгляд падал на её локоть — и на секунду задерживался. Чип пропускал это как нарушение, потому что взгляд не имел веса. Чип знал её номер.

Соседка перестала жевать. Челюсть застыла. Чип на затылке зажёгся красным. Моргнул дважды. Посыпались искры, запахло горелым волосом.

Алекс хотел встать, но чип выдал: «Зафиксировать положение. Не вмешиваться».

Соседка завалилась на бок. Чашка разбилась. Осколок впился Алексу в голень. Кровь пошла, боли не было — чип заблокировал сигнал. Из уха соседки вытекла маслянистая жидкость.

Алекс перевернул её. Чип расплавился, оставив чёрную корку с торчащим проводком. Она открыла глаза. Зрачки сузились до точек. Губы шевельнулись беззвучно: «Ошибка».

Алекс прижал ладонь к её губам. Дыхания не было. Он отдёргнул руку. На ладони остался синий отпечаток. Чип вспыхнул: «Контакт с неисправным биоматериалом. Дезинфекция».

Кожа покрылась ледяной коркой. Алекс рванул к раковине. Лёд треснул в воде. В каждом осколке отразилось лицо соседки.

Он перекрыл кран. Секундная стрелка часов дёрнулась назад. Чип просигналил: «Время искажено. Проверка в архиве».

Алекс достал осколок из голени и вышел. За дверью стоял робот-уборщик. На его щётке болтался обрывок розового пластилина. Алекс схватил его. Робот пискнул и отключился.

* * *

На улице было серо и чисто — декабрьский воздух выморозил даже тени. Металл, стекло и бетон однотипных зданий. Запах дегтярного мыла. Люди шли одинаковым шагом, подчиняясь невидимому цоканью Головы. Когда на экране показывали высокие показатели города, от граждан ожидалась «слеза признательности». Алекс научился капать на тыльную сторону ладони водой из стакана за секунду до конца трансляции, чтобы чип зафиксировал влажность кожи и засчитал ритуал.

На выходе из блока встретил двое патрульных. У одного на плече висел считыватель.

— Стой, — приказал левый. — Твой чип дал сбой.

Алекс остановился. В кармане он сжал осколок стекла.

— Я иду в архив. Начальник вызвал.

— Чип не отвечает. Открой доступ, или я сам.

Алекс шагнул вперёд. Задел плечом. Считыватель соскользнул, упал на асфальт и треснул. Изнутри выпала синяя

микросхема.

Патрульный нагнулся. Алекс не стал ждать. Он всадил осколок в шею патрульного. Ровно настолько, чтобы задеть проводку к чипу.

Патрульный выпрямился. Глаза закатились. Из губ вырвался механический свист. Он упал на колени, схватился за затылок. Второй развернулся.

— Нарушаем категории, гражданин...

Он замолк. Чип замигал красным, синим, жёлтым — и погас.

Алекс перешагнул через тело. Оно дёргалось на асфальте. Из уха капала смазка.

— Я не хотел, — сказал Алекс. — Но ты хотел открыть меня сам.

За спиной хрустнуло. Патрульный пытался встать и упал.

Алекс не обернулся и свернул в архив.

По пути взгляд скользнул по голографической витрине с едой — пирожки, румяные, с неровными, подгоревшими краями. Чип мгновенно подсветил поле зрения красным: «Запрещённый продукт. Картинка. Игнорировать». Алекс послушно отвёл взгляд. В этот момент его гортань предательски дёрнулась в спазме, а слюнные железы мгновенно пересохли — чип подавил рефлекс слюноотделения, чтобы заблокировать фантомный вкус вишни. В стерильном городе существовали только питательные батончики, которые легко глотать. Алекс ещё не знал, что через два квартала от его

блока, в подвале, настоящая женщина печёт настоящие пирожки с вишней — и что один из них окажется в его руке через две недели. Чип не мог этого предсказать: таких данных не было в базе.

На фасаде Министерства ревизии и надзора горела надпись из лампочек: «У вас нет лишнего времени». Алекс машинально задержал дыхание на вдохе — чип тут же вычел эту микропаузу из завтрашнего пайка. Зато напротив, на стене Министерства цен и зарплат, красовался плакат: «Оптимальная любовь — ноль калорий». Рядом кто-то приписал углём: «А счастье?». Голова не стёрла. Надпись висела уже год, как немая улика.

* * *

Когда Алексу было двенадцать, он увидел на полу в коридоре кусок чего-то жёлтого. Маленький, мягкий, с крошками. Он поднял. Понюхал. Внутри отозвалось движение в животе, похожее на голод, но не голод. Чип ещё не был вживлён полностью — установка шла поэтапно до четырнадцати лет.

Алекс забыл слово «сыр». Жёлтый кусок, который он поднял с пола в двенадцать лет, пах сыром и потом. Алекс лизнул его — чип не успел заблокировать язык. Вкус оказался солёным с горькой нотой предательства. Чип перехватил управление через секунду, но в за секунду живот Алекса сжался в тугую пружину — он захотел ещё взять и повторить. Чип выжег этот импульс. Но пружина осталась. Много

лет спустя, в бункере, пирожок бабули Мэйлинь разбудит ту же пружину. Алекс назовёт это «голод». Но на самом деле это будет память о первой краже вкуса.

Алекс сжал кусок сыра в кулаке. Чип зашипел, требуя извлечь неучтённый объект. Алекс зажал рот другой рукой, чтобы не выплюнуть — чип пытался запустить рвотный рефлекс. Борьба длилась три удара пульса. Алекс проглотил сыр, подавился, закашлял, но удержал его внутри. Чип отключил его сознание на две секунды. Когда Алекс очнулся, сыра уже не было. На губах остался жирный след. Он слизал его и улыбнулся — в первый раз в жизни. Чип высветил: «Спазм лицевых мышц». Язык обжёг термический шок. Алекс выдохнул. Вкус остался внутри, в пустоте между рёбрами, которую Система не смогла заполнить.

Сыр украли бабуля Мэйлинь для внука, который так и не родился. Кусок выпал из кармана. Она бежала от первого патруля, прижимая к груди свёрток с инструментами. Сыр пролежал в щели много лет, пластилин — рядом, пока один не рассыпался, а другой не дождался.

Система классифицировала его как «неопознанный органический объект» и забыла. Но вкус остался в воздухе, в бетоне, в пыли. Алекс вдохнул этот вкус, не зная, что вдыхает чужую свободу.

* * *

Перед входом в архив на экране замигала реклама. При-

ятный женский голос объяснял: «Для поддержания водного баланса рекомендуется держать спину под углом сорок пять градусов...» Голос сбился, захрипел, из динамика вырвался сухой треск, словно кто-то имитировал удушье, а затем снова стал ровным и сладким: «...воды. Берегите ресурсы. Берегите себя». Рука Алекса дернулась к шее, туда, где раньше пульсировал чип, но встретив пустую кожу, опустилась.

Раздался гудок. Алекс замер, опустив взгляд в пол, как того требовал ритуал «Нулевого децибела». Десять секунд абсолютной тишины. Соседка рядом перестала жевать, застыв с открытым ртом. Нарушение расценивалось как «визуальный и аудиальный шум». Алекс послушно запомнил цифры. Он пропустил сбой. Его мозг был отфильтрован. Голова Системы зафиксировала сбой. Но в классификаторе отсутствовала строка «голос, имитирующий удушье». Была строка «механический сбой». Голова выбрала её. Алекс пропустил всё — его чип уже подавил отклонение. Но старый техник Лев в соседнем здании оторвал взгляд от экрана. На секунду. Потом снова уставился в цифры. Эта секунда будет сниться ему два года — голосом дочери, которая умерла при родах, потому что Система решила, что кесарево сечение «неоптимально».

Алекс прошёл мимо. Он не знал техника. Техник не знал Алекса. Но голос, имитирующий удушье, остался в них обоих — как заноза, о которой не знаешь, но которая иногда чешется.

Потом начальник послал проверить старые стеллажи в подвале. «Там залежались отчёты трёхлетней давности. Найди ошибку в подсчётах, надо наказать».

Алекс не был лучшим. Просто никогда не спрашивал, потому что вопросы создавали помехи в Системе.

* * *

Перед уходом в подвал его коллега Ло остановился у двери. Ло всегда что-то бормотал — Система подавляла в нём эту привычку, но не до конца, оставляя лишь подёргивание правого века. Он продекламировал, глядя в пустую стену:

— Два ноля глядят друг в друга, словно милые глаза. Эта фраза в форме круга, дальше нечего сказать.

Алекс кивнул и мысленно вычеркнул эту фразу. В таблицах отсутствовала строка для нолей, которые глядят друг на друга.

Чип на затылке Ло взвизгнул, как перетянутая струна. Ло замер. Его правое веко дёрнулось. Раздался хлопок. Из-под воротника повалил сизый дым, пахнувший палёной плотью. Тело рухнуло на пол, как мешок с песком.

Алекс перешагнул через него. Это было хуже всего — он привык перешагивать. Стёр каплю запёкшейся крови со стола тыльной стороной ладони в стерильной перчатке. Порядок требовал чистоты, даже если цена ей — пепел.

Он перетащил тело в вентиляционную шахту.

Чип на шее трупа тихо пискнул: «Бессмыслица. Без кате-

гории». И замолк навсегда.

Ло моргнул. Его правое веко дёрнулось. Алекс запомнил это и стёр. Но если бы он не стёр — если бы удержал на секунду дольше — он бы услышал в ней что-то. Палец на долю секунды нажал на то место, где на экране ничего не было. Чип пропустил нажатие. Потому что в том месте отсутствовала кнопка. А Алекс нажимал только на то, на что можно. Так что нажатия не было.

Алекс перешагнул через Ло. Пальцы Ло шевелились — большой и указательный сомкнулись в круг. Собака. Чип повелел: «Игнорировать». Алекс закрыл Ло глаза. «Я запомню». Поднявшись, повторил жест. Тайный язык, скрытый от машины.

Алекс коснулся экрана. Подпись легла под актом утилизации старого служебного кибер-пса. Пёс вильнул хвостом в последний раз, ткнулся мордой в его ладонь и замер. Алекс не отвёл взгляда. Он перешагнул через тушу.

Позже, в бункере, Ян моргнёт и скажет: «Рыжий пёс за забором. Я помню... тепло».

Алекс не сможет объяснить, откуда Ян знает про пса. Но тепло останется.

Перешагивая, Алекс почувствовал под подошвой не мягкость туши, а пустоту. Под ступнёй секунду назад было что-то тёплое, а теперь — ничего. В базе чипа отсутствовала категория «пустота на месте тепла». Но подошва помнила. Двадцать лет спустя Алекс на неровном матрасе в бункере будет

сниться, что под ногой нет того, что должно быть. Он не будет понимать, от чего просыпается.

* * *

В дальнем углу стеллажа он нашёл розовый комок пластика. Алекс встречал такой цвет исключительно в отчётах, в графе «повреждения мягких тканей, категория: синяк». Он взял комок в руку.

На чипе загорелся красный свет: «Найдены лишние данные». Пальцы в стерильных перчатках почувствовали липкую мягкость, которая пачкала белый латекс изнутри. Алекс стряхнул перчатку — комок перелетел и шлёпнулся прямо на его голую ладонь.

Из носа хлынула тёплая кровь. Алекс видел кровь в отчётах — «категория: биологическая жидкость, состояние: утечка». Утечка. Слово, которое означает, что что-то покинуло положенное место. Но сейчас кровь покидала его — и слово «утечка» выходило за рамки понятия. Алекс не знал, как это назвать. Он поднял руку к носу. Пальцы стали красными.

В таблицах присутствовал красный — цвет предупреждения. Но этот красный был другим. Он тек. Был тёплым и живым и не подчинялся никакой частоте. Чип высветил: «Обнаружена утечка. Рекомендация: пальцем прижать крылья носа на две минуты». Алекс не прижал. Не потому что восстал. А потому что смотрел на красное. На цвет без катего-

рии.

Кровь из носа упала на пластилин. Розовый комок дёрнулся. Потому что узнал. На долю секунды Алексу показалось, что внутри комка кто-то заплакал — по-детски, будто сквозь стекло. Кровь Алекса содержала тот же редкий антиген, что и кровь Лии — природную метку, которую чип не умел ни стереть, ни подделать.

На долю секунды реальность дрогнула: Алекс увидел Ми-ну, прижимающую к груди мёртвого младенца.

— Ты опоздал, — шепнул голос.

Видение лопнуло, оставив лишь привкус озона. Голова проецировала свой главный страх.

Голова пыталась уничтожить пластилин в первый же год, но тот впитал импульс, превратил в тепло и лёг на дно, замаскировавшись под температурный шум. Пластилин ждал носителя антигена.

Пластилин прилип к коже. На секунду показалось, что пластилин стал теплее, подстраиваясь под температуру его кожи. Алекса вырвало густой жижей. В глазах что-то вспыхнуло красным, будто разбились фонари. В ушах завизжали тысячи удаляемых файлов. Чип выплёвывал память. Алекс попытался стряхнуть комок, ударил рукой о стену — пластилин вжался в кожу глубже, пополз по груди. Розовая масса пульсировала снаружи, как второе сердце. Чип в его затылке дёрнулся. Красный свет мигнул — и погас.

Алекс услышал голос. Женский. Он не узнал его, но тело

узнало. Плечи расслабились. Челюсть разжалась. Голос сказал: «Тише, сынок. Я здесь». Потом голос исчез. Алекс не помнил матери. Чип стёр её голос в пять лет. Но тело запомнило.

Тишина в голове. Алекс никогда не слышал такой тишины громкой и звенящей. Словно кто-то выдернул из розетки шум, который он всю жизнь принимал за тишину.

Потом раздался голос. Тихий, идущий изнутри розовой массы. Мёртвый Винсент, знакомый учитель литературы, шевелил губами без звука, но Алекс услышал это внутри своего черепа: «Привет, проверяющий. Нет, ты не проверяющий. Ты — ошибка, которую я спрятал».

Храбрость была ему неведома, но голос внутри черепа звучал так, будто его ждали. Как ключ в замке. Замок только ждал, когда его повернут.

Алекс стоял в пыльном углу подвала, с кровью на пальцах и розовым комком в ладони, и впервые в жизни не знал, что делать дальше. Пластилин в ладони стал пульсировать — медленно, как второе сердце. Алекс не знал, что у человека может быть два сердца. Но теперь у него было.

Алекс зажмурился и почувствовал голос сердца: «Ты — носитель. В тебе — остаток памяти Системы. Срок до перезаписи: трое суток. Цель: проникнуть в главный блок Головы. Найти первую ячейку. Вставить пластилин в четвёртый порт. Иначе — забудешь даже имя Мины задолго до конца».

Это пластилин транслировал инструкцию Лии, записан-

ной в момент, когда прилепила комок на Enter.

Позже, в бункере, Алекс спросил Мину, почему Голова не уничтожила пластилин за тридцать лет. Мина долго молчала. Потом прижалась ухом к его груди, словно пыталась услышать не сердце, а что-то другое.

— Голова искала бунт, — сказала она. — Вирус, искру, чужой код. А пластилин грелся. В первый год впитал разряд, превратил его в тепло. Для машины это погрешность датчика. Через год научился гудеть в такт вентиляторам. Стал частью шума.

Алекс сжал комок в ладони.

— Значит, перехитрил?

— Нет. Не казался ей важным. Голова видела только то, что внесено в реестр угроз.

Алекс посмотрел на часы. 72 часа. Отсчёт пошёл в тот миг, когда он коснулся розового.

Он перевернул пластилин. На обратной стороне проступили буквы от тепла его ладони. Одно слово: «Беги». Алекс поднял глаза. В дверях архива стояла Мина в голубом комбинезоне.

В тот же миг в серверной замигал зелёный индикатор на терминале, который потух десять лет назад. Техник, дежуривший ночью, не заметил. Но терминал передал сигнал:

«Обнаружен носитель. Активация протокола № 8».

Сигнал ушёл в никуда — приёмник был отключён. Но эхо осталось в проводах.

* * *

РАЗДЕЛ 2. Побег

Истину не разложить по полочкам; но можно почувствовать кожей, когда рушатся все правила.

За час до этого Мина сидела в своей каморке и разглядывала татуировку на запястье. 1017. Она не помнила, что она значит. Но когда пришёл сигнал от Головы: «Объект 4419 — возможный носитель. Сопроводить до пункта назначения. При сопротивлении — ликвидировать», её руки задрожали. Чип зафиксировал «необъяснимую реакцию». Три года назад, перед тем как у неё забрали первого ребёнка, она держала в руках розовую игрушку. Ту самую, что потом превратилась в крысу. Игрушка пискнула тогда: «Мама».

Мина подняла игрушку дрожащими руками.

— Она меня не узнала и всё равно позвала — прошептала Мина. — Иду не потому, что приказали.

Чип не зафиксировал ложь — потому что Мина сама не знала, правда это или нет.

Было два часа ночи — время, когда даже Система позволяла себе спать.

Из трещины в стене прошипело: «Мамочка, спаси и сохрани».

Мина ударила кулаком в бетон. Пустота.

— Запишите на мой счёт, — сказала она тишине.

Мина остановилась. Вода доходила до щиколоток.

— Слушай. Пароль есть. Он не открывает двери. Он их закрывает. Это ловушка.

Алекс молчал.

— Мы собираем буквы. Каждая — от отказника. Если введём слово — Система захлопнет нас. Но если мы внутри, когда она захлопнется, пластилин сможет её разорвать. Изнутри.

— Ты ведёшь меня в капкан.

— Я веду нас туда, где ловушка перестаёт быть ловушкой. Если ты знаешь, что тебя обманут, обман перестаёт быть обманом.

Мина вела Алекса через канализационную трубу под городом. Она двигалась бесшумно, касаясь стен кончиками пальцев, считывая вибрации.

Она не шла — она просачивалась сквозь тени, и каждый её шаг звучал как шелест страницы, которую некому читать. Вода доходила до щиколоток, воздух был тяжёлым, и в воде отразилось чужое лицо. Отражение улыбалось. Сладко пахло то вишнёвым вареньем, то блевотой.

Чип попытался классифицировать, сдался и отключил

Алексу ноздри на несколько секунд. Запах усилился. Алекс вздохнул. Вся его жизнь была реакцией на классификацию. Запах классифицирован — отреагируй. Запах не классифицирован — чип отреагирует за тебя. А тут чип проигнорировал — и Алекс остался один на один с запахом. Без разрешения. Непривычно, как тишина.

Он споткнулся о тело. Мужчина лет пятидесяти, потёртый пиджак, разбитые очки. На груди — маленький значок с красивым иероглифом «Слово». Его звали Винсент. Два года назад Алекс подписал ему пропуск, не глядя. Теперь Винсент был мёртв: чип в шее обуглился, оставив чёрный кратер на коже. На запястье — татуировка: 1017. Алекс не знал тогда, что это номер первого списка отказников. Тех, кого Система решила стереть, но не успела. Винсент был первым. Мина — второй. Саймон — семнадцатым. Алекс станет тысяча восемнадцатым, если не успеет.

Алекс наклонился — и чип в его затылке ударил болью.

Резко возникло видение: Винсент открыл глаза и сказал ровным, механическим голосом: «Ошибка распознавания. Объект жив. Возвращайтесь на рабочее место». Алекс моргнул. Винсент был мёртв. Глаза закрыты. Чип попытался подменить труп функцией, чтобы сохранить картину мира.

И тут Алекс увидел то, что должен был пропустить. Губы Винсента сомкнуты. Но Алекс наклонился ближе. Кончиками пальцев ощутил влажный изгиб — рот приоткрыт на миллиметр. Меньше. Чип показал «объект: неподвижный».

А Алекс увидел, как сложены губы: «Помни». Он не услышал слова. Он его прочитал по сгибам плоти. Разница в один миллиметр — изгиб губ. Но этот миллиметр был целой вселенной между машиной и человеком.

Алекс сомкнул веки трупа. Из кармана пиджака Винсента выпал микробук размером с ладонь. На нём было выгравировано: «порт четвёртый, ячейка первая».

Алекс поднял микробук. Пальцы узнали форму — такой был у него в двенадцать лет, когда он изливал дневнику душу. Чип стёр это воспоминание. Но пальцы повернули микробук в воздухе — щёлк. Алекс спрятал микробук.

— Я давно не думал самостоятельно. На нём можно писать.

Мина улыбнулась:

— Ну, напиши повесть о дивном новом мире.

Он пожал плечами.

Изо рта Винсента выползла склизкая бумажка. На ней было одно слово: «Помни». Она упала в воду и мгновенно растворилась. Алекс не успел прочитать. Но слово уже впиталось в его ладонь, когда он коснулся воды. Розовый пластилин в кармане стал горячее. Алекс достал пластилин. На поверхности отпечатались его линии — розовые завитки, скрытые от чипа. Пластилин дышал. Алекс прижал его к уху.

Внутри стучало сердце. Чужое. Медленное, как у спящего младенца. В нагрудном кармане пиджака Алекс нашупал уголок бумаги. Вытащил — мерцающий радугой микро-

бук. На последней странице: «Тому, кто найдёт — прочитай вслух, когда будет совсем пусто. Я не успел. Собери семь союзников среди отказников. Каждый даст свою букву. Из них сложится слово. Слово откроет дверь, которой нет».

Чип Алекса пытался подавить ужас, посылая успокаивающие сигналы. Но розовый пластилин дрожал в кармане — и страх усиливался, пробиваясь сквозь защиту. Два сигнала встали друг против друга. Чип перегрелся и погас. Алекс упал на колени в грязную воду. Плечи дрожали. Пальцы сжимались и разжимались — хватали воздух. Он достал микробук, открыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.